

Переводы

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

КАРЛ ЮНГ: ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ* (Перевод с английского Алексея Лисогора)

Часть I. ИЗРАНЕННЫЙ

«Таким я родился
и таким остаюсь»

«Да, это правда, что выраженную во мне силу природы – а я ведь только проводник ее мощи – я явственно могу прочувствовать во многих тех случаях, когда в ваших глазах я буду выглядеть ужасным негодяем. Так, к примеру, если в какой-то момент жизнь принудит вас вести себя искусственно, то с тех пор вы не сможете больше выносить меня из-за моей природной естественности. Таким я родился и таким остаюсь. От подсознания людей, живущих притворно-настоящей жизнью, постоянно ощущаю исходящую угрозу, ведь практически все во мне раздражает их: моя манера речи, мои слова, мой смех...

Ибо они чувствуют природу» [1].

Вступление

Человек «природной
естественности»

Когда Карл Густав Юнг впервые охарактеризовал себя как человека «природной естественности», ему шел уже 66-й год. Несмотря на то, что не все принимали его учение, к этому времени его слова как первого современного психиатра, осознавшего, что человечес-

* *Dunne C.* Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.

кая душа «христианка по своей «природе»», и первого, кто досконально исследовал это явление, уже гремела по всему миру. Называя себя «эмпириком» и «лекарем души», соединяя свой опыт, свои знания с древними преданиями мировых культур, он устремлял свой пылкий взор в глубь самого себя и во внутренние глубины своих пациентов, принося затем сделанные открытия непонимающему миру.

Доктор Карл Густав Юнг
(1875–1961)
в собственном саду,
в Кюснахт, Швейцария, 1930

Вот что он писал в одном своем письме:

«Нет, не в лечении неврозов заключен главный смысл моей работы. Прежде всего меня интересует подход к аниме <...> [который] и является реальной терапией» [2].

Вкратце смысл учения К. Юнга можно выразить следующим образом:

- чтобы жить полноценной жизнью, человеку требуется стать совершенной личностью;
- Бог нуждается в человеке, чтобы отобразить в нем свое творение и помочь ему развиваться;
- все люди раскрываются перед Богом как со-творцы.

Люди, знавшие его, свидетельствовали, что он был живым олицетворением своей собственной психологии. Будучи прекрасным замечательным человеком, но подверженным, как и все мы с вами, ошибкам и падениям, он одновременно жил в двух мирах – обыкновенном земном и духовно-сконцентрированном. Обе эти «жизни», внешнюю и внутреннюю, он рассматривал как вполне естественное для человека в высшем смысле этого слова.

«Я – конфликт
противоположностей»

Все наследие К. Юнга целиком и полностью отражает его жизнь. «Я – конфликт противоположностей», – говорил он про себя. И всю свою долгую жизнь он учился жить и укладывать все свои противоречия в единый союз монолитной цельности.

В канун своего 84-летия, подводя итог этому процессу, он выразился так:

«Долго, очень долго длилось мое путешествие на ковре-самолете из призрачного тридевятого царства к подлинной моей сущности. Не одну тысячу раз приходилось мне сбрасывать с него веревочную лестницу и карабкаться по ней вниз, пока наконец мне не удавалось протянуть руку и зачерпнуть горсть того земного праха, которым я являюсь» [3].

Детство

Под конец своей жизни К. Юнг написал автобиографию. Выйдя в свет под названием *«Воспитание, сны и размышления»*, она сразу же привлекла к себе внимание широкого круга читателей, однако лишь чуть-чуть приоткрыв им завесу над его внешней жизнью. Гораздо

Родители Юнга:
Эмили Прейсверк (1848–1923) и
Иоганн Пол Ачиллес Юнг (1842–1896).
Эмили поддерживала интерес Юнга к
окультизму; отец обучал его латыни

в большей степени она живо и красочно описывала читателям географию его внутренних владений, которыми обладал он сперва в детстве, а затем и во взрослом возрасте.

«Пока я пишу вот эти самые строки, краешком глаза я замечаю, как маленький чертенок нахально пытается украсть у меня не только слова прямо из-под пера, но еще и мысли из головы, стремясь потопить их в бушующем потоке образов, которые волнами гигантского прилива обрушаются сейчас на меня из молочно-белой пелены прошлого и оживляют в моей памяти портреты маленького малыша, только ошарашенного и растерянного, такого удивленного и изумленного от непостижимо красивого, но насквозь лживого и обманчивого мира» [4].

Этот маленький мальчик родился в 1875 году в семье у пастора Поля Юнга и его жены Эмили, живших в маленькой деревушке Кессвил, и до девяти лет оставался у родителей единственным ребенком.

«Вот очередные волны прошлого навевают на меня смутную догадку о какой-то серьезной проблеме, царившей во взаимоотношениях между матерью и отцом. В 1978 году моя мама пролежала в базельской больнице, после чего, по всей видимости, у них с отцом все и разладилось. А пока она болела, я оставался на попечении своей тетушки, которая была старше мамы лет на двадцать, да к тому же еще старой девой. Остро переживая разлуку с мамой, сильно скучая по ней, я сам серьезно заболел и надолго слег. С тех пор больше никогда не верил слову «люблю», когда слышал его в доме. А слово «женщина» довольно долго вызывало во мне ощущение какой-то природной ее надежности. «Отец», с другой стороны, означало для меня самую что ни на есть надежную твердь и бессмысленность. Вот с каким багажом за плечами я шагнул в осознанную

Детство –
единственный
ребенок в семье
пастора

жизнь. Повзрослев, я, разумеется, пересмотрел эти свои детские впечатления, ибо не раз и не два, доверяясь своим друзьям и товарищам, я разочаровался в них, что никогда не было с женщинами, к которым я относился с подозрительностью и недоверием» [5].

Все же одному своему сформировавшемуся в детстве взгляду он оставался верным всю последующую жизнь – своей любви к природе, своему отношению к земле, к растениям и животным, горам, рекам и озерам. Любви к простому деревенскому укладу жизни – и одинокому.

Наедине с самим собой

«Играл я в одиночестве, наедине с самим собою и в свои собственные игры. К великому огорчению, сейчас, как ни боюсь, не могу вспомнить ни одну из тех детских своих игр. Припоминаю только, что тогда мне крайне не хотелось, чтобы кто-нибудь мне мешал и нарушал мое уединение. Игра настолько поглощала меня, что терпеть не мог быть в роли зрителя или даже судьи. Только игроком!» [6].

Альберт Оэри, друг детства К. Юнга, вспоминает, как в свое время был потрясен этим фактом:

«Мы оба еще пешком под стол ходили, когда впервые столкнулись друг с другом. Мои родители пришли в дом к Юнгам, а чтобы я не докучал взрослым, меня отправили поиграть к Карлу. Ничего путного из этой затеи не вышло. Он сидел посреди комнаты, увлеченно играя кубиком, и не обратил на меня никакого внимания. Вы спросите, почему же в таком случае спустя 55 лет я вспоминаю эту мимолетную встречу? Да потому, что впоследствии мне просто больше никогда не приходилось сталкиваться с таким недружелюбным маленьким чудовищем, каким оказался Карл. Я ведь ходил в детсад, а там, сами знаете, столько народу, что вам либо нужно играть всем вместе, либо быть битым, но в обоих случаях вас все равно окружает целая куча детей. Карл же всецело принадлежал только самому себе – его сестренка еще не родилась к тому времени» [7].

Карл Юнг, 1882 г.
Юный Карл был единственным ребенком до 9 лет

Гертруда, младшая сестра К. Юнга, появилась на свет девять лет спустя после рождения самого Карла – слишком поздно и совсем другой по складу характера, чтобы стать его другом и товарищем по детству. Семья Юнгов, ведя крайне бережливый образ жизни, граничащий с нищетой, ютилась в старом ветхом доме приход-

Осознание
конечности
земного бытия

ского священника, единственным украшением которого служили две картины, висевшие в темной комнате и восхищавшие мальчика своей простотой. Его родители вели на людях себя так, чтобы во всем соответствовать стереотипному образу добропорядочного пастора и благочестивой матушки. А еще пасторами были восемь дядюшек Карла со стороны матери и двое – по отцовской линии, тоже жившие все в традиционном мире веры, Библии и добрых дел. Для очень восприимчивого и впечатлительного малыша, каким был Карл, существование в такой атмосфере было смерти подобно. Его противление такому образу жизни ничего не давало, однако в духовном плане привело к неожиданному результату, о чем К. Юнг поведал в автобиографии:

«Опять на нашем кладбище могильщик выроет яму, разобрав вокруг нее кучу перевернутой коричневой земли. Черные люди в черных сюртуках, в высоких черных шляпах и в блестящих черных башмаках принесут к ней черную коробку. Мой отец в своем черном облачении тоже будет стоять у этой ямы, а его торжественный голос снова будет разноситься по всему кладбищу. Женщины заплачут и кто-то из них шепнет мне на ушко имя человека, которого похоронят в этой яме. Да потом я и сам стану замечать, что куда-то исчезают некоторые люди, которых я видел раньше в деревне. И чуть погодя снова услышу, что их похоронили, что это Иисус Христос забрал их к Себе.

Однажды мама скажет мне, что необходимо молиться, и научит, как это делать. Начиная с этого времени, каждый последующий вечер я стану горячо молиться. <...>

Расправь Твои крылья, Господь наш Кроткий Иисус, И прими к Себе Твоего цыпленка, Твоего ребенка. <...>

Но вот снова я слышу, что Иисус вновь «забрал» к себе еще людей – точно так же, через яму в земле. <...>

Понемногу я начал сомневаться в Боге. Вместо огромной, утешающей и всепоглощающей птицы, как представлял Его себе, Он стал ассоциироваться с черными людьми в черных сюртуках, в высоких черных шляпах и в блестящих черных башмаках, забавляющихся черной коробкой» [8].

Где-то примерно в тот же самый период маленький Карл случайно сталкивается на улице с монахом-иезуитом, чье мрачное обличье – с ног до головы он облачен в черную рясу с капюшоном – сильно травмирует мальчика. Эта неожиданная встреча, наложившись на его

Мир грез – мост
к духовной сфере

представления об Иисусе Христе, порождает в детской душе рост недоверия ко всей внешней атрибутике христианства, которое спустя некоторое время перерастет в настоящую ненависть от одной только мысли, что нужно идти в церковь.

Что же в таком случае служило ему мостом ко всей духовной сфере? Мир грез. Сны и грезы гидом вели его по самым сокровенным внутренним закоулкам, информируя и сигнализируя о наиболее главных направлениях жизни. Много позже он скажет, что как правило детские грезы задавали ему тон и направления развития тех или иных сторон уклада своей личной жизни.

Первое видение

Свое самое первое видение, которое К. Юнг запомнил на всю жизнь, он относил к трех- или четырехлетнему возрасту. Это чуточку окрашенное анимой видение он долгое время хранил втайне от всех, рассказав о нем только на седьмом десятке лет жизни.

«Помню, что видел себя стоящим посреди зеленого луга недалеко от нашего дома. Чуть впереди меня в земле чернела яма, большая такая темная прямоугольная яма, стенки которой были обложены камнем. <...> Обуреваемый любопытством я подбежал к ней и заглянул внутрь – там оказалась каменная лестница, уходящая куда-то вниз в темноту. Сразу перетрусив, но поколебавшись, я все же с опаской ступил на верхнюю ступеньку и стал осторожно спускаться вниз. Доведя меня до дна, лестница уперлась в огромный проем, занавешенный зеленым пологом, чья пышно-тяжелая ткань, чем-то отдаленно похожая на парчу, выглядела очень роскошно. Съедаемый еще большим любопытством, – и что же там скрывается за этой шторой? – затаив дыхание, я с величайшей осторожностью медленно сдвинул ее вбок. Прямо передо мной оказалась залитая тусклым светом прямоугольная палата футов 30-ти длиной, стены которой плавно переходили в сводчатый потолок из тесаного камня, а пол был выложен брусчаткой. Сразу от моих ног начиналась красная ковровая дорожка, стелившаяся точно по центру к небольшому возвышению у дальней стены, на котором стоял изумительный по своей красоте богато изукрашенный золотой трон. Точно не помню, но вроде бы на нем лежала подушка, тоже, в цвет ковра, красного оттенка. Это был самый настоящий величественный королевский трон, словно сошедший сюда прямо из сказки. На троне же находилось нечто невообразимое, сперва напоминавшее мне ствол дерева 12–15 футов высоты и фута 1,5–2 в обхвате. Эта фигура доставала поч-

ти до центра свода и странное зрелище являла она собою: кожа да голая плоть, а на самом-самом верху – нечто наподобие махонькой круглой головки, но без лица, и лысая, а ее единственный глаз находился на макушке и, не мигая, пристально смотрела куда-то вверх.

Ни окна, ни какого-то другого источника света я не заметил, тем не менее струящееся откуда-то сияние довольно сносно разгоняло мрак. Потом понял, что он исходит от ауры головки этой сидящей на троне фигурки. Она не двигалась, но у меня вдруг засосало под ложечкой и появилось чувство, что этот «ствол» в любой миг может заколыхаться, опасть с трона на пол и, извиваясь как червяк, ползти ко мне. Я замер, ни жив ни мертв, парализованный ужасом, и в этот самый напряженный момент услышал доносящийся извне голос матери: «Да только посмотри на него! Это же людоед!» От этих слов я впал ну просто в панический ужас и ... очнулся, весь в холодном поту и испуганный до самой смерти» [9].

Первобытное
поклонение фаллосу

Что вынес, что же понял К. Юнг из этого своего видения? Оно преследовало его все последующие десятилетия, лишь по крупице раскрывая свой смысл, по мере того как изучал древние писания, религиозные учения, жизнь первобытных людей и современных туземцев.

«Фаллос <...> какого-то неизвестного мне подземного бога

<...> ритуальный фаллос

<...> посвящение в тайны земли

<...> это ужасное древо моих детских грез

<...> проявляющийся как “дыхание жизни”, как “творческий импульс”» [10].

Это полностью соответствовало мощным фаллическим божествам кельтов и германцев, античных греков и древних египтян, цивилизаций эпохи Средних веков и этнокультур древнего востока – божествам, воплощающим в себе творческую жизненную власть. Именно в эти первобытные глубины уходят своими корнями многие наработки К. Юнга.

«А дальше я ничего, кроме темноты, не помню. Словно меня похоронили в земле, после чего должно было пройти много, очень много лет, прежде чем я смог вернуться. Оглядываясь сегодня с высоты прожитых лет назад, я понимаю, что те мои «похороны», привнеся в меня невообразимое количество света, разогнавшего мрак и темноту, послужили своеобразным введением или, лучше сказать, посвящением меня в это коро-

Школа –
одиночество
и общение
со сверстниками

левство моей внутренней тьмы. Как раз в это время моя интеллектуальная жизнь приобрела свои подсознательные начала» [11].

Затем наступает черед следующей форме внешней жизни маленького Карла – школе, призванной заполнить всем необходимым пробел между нынешним его состоянием и тем положением, какое он хотел бы занять в обществе. Одну часть своей личности, адаптируемую к внешним условиям жизни, К. Юнг обозначал как № 1, другую же, свою сущую внутреннюю природу, – № 2. В той или иной степени такое взаимодействие противоположностей наблюдается в любом человеке, в К. Юнге же они проявились в гораздо более явном и сознательном виде. К примеру, он может часами сидеть один-одинешенек на каком-нибудь валуне и созерцать природу, не испытывая при этом никаких неудобств от своего одиночества. А мог вместе со своими друзьями уйти куда-нибудь на берег реки, разложить там костер и завороченно смотреть на языки пламени, пытаясь постичь скрытый в них смысл. Мало-помалу его общение со сверстниками дает неожиданные результаты:

«Они отчуждали
меня от самого себя»

«В один прекрасный момент я вдруг обнаружил, что они отчуждали меня от самого себя. Когда я был вместе с ними, то мое поведение в корне отличалось от того, как вел я себя дома, по крайней мере мне казалось так; хотя, если честно, то насколько я знал себя, в одиночестве я мог замыслить и выносить практически любую идею. Мне казалось, что произошедшая со мной перемена случилась именно под влиянием моих товарищей, которые, сами того не ведая, умудрились сбить меня с намеченного пути, иначе говоря, просто подчинили меня своей воле и заставили стать другим. Но влияние этого обширного мира, в котором жило множество других людей, а не только лишь мои родители, казалось мне крайне, если не всецело, подозрительным и в некоторой степени враждебным. <...> У меня было такое чувство, словно я взрываюсь на части. И стало страшно, что всем нутром ощутил угрозу своей внутренней безопасности» [12].

Противодействие
угрозе внутреннему
«я» со стороны
общества

Инстинктивно, даже сам не зная зачем и почему, он начал противодействовать этой надвигающейся со стороны общества угрозе своему внутреннему «я». Втайне от всех он вырезал крошечного двухдюймового деревянного человечка, покрасил его с ног до головы черными чернилами, одел в сшитое из кусков шерстяной ткани своеобразное пальтишко и положил его, как в кровать, в пенал из-под ручек. Туда же засунул найденный глад-

кий продолговатый черный камешек, предварительно тоже окрасив чернилами, окрасив его кончики, выражая таким образом свалившийся камень с души.

Затем с чувством глубокого удовлетворения спрятал пенал на чердаке в одном из укромных уголков.

Страсть к тайне

«Никто не может найти мой тайник и уничтожить хранящийся в нем клад. Наконец пропало то мучительное чувство негармонирования с самим собой и я почувствовал себя в безопасности.<...> То, что отныне я обладаю тайной, очень благотворно и созидательно отразилось на моем характере.<...> этот спрятанный в придачу с камнем маленький человек стал моей первой неосознанной и несерьезной попыткой материализовать тайну. Тайны вообще были моей страстью и во мне постоянно жила уверенность, что рано или поздно смогу проникнуть в любую из них, однако в этот первый раз я еще не знал толком, что же на самом-то деле я пытаюсь выразить таким вот способом» [13].

Впоследствии он найдет этот эпизод захоронения «свалившегося с души камня» схожим с первобытным ритуалом австралийских аборигенов и афинских туземцев.

И он скажет, что стало «кульминацией и завершением» детства с его преобладающим чувством «вечности».

Юность

Осознание бедности

Закончив начальную школу, с 1886 года одиннадцатилетний Карл начинает учиться в средней школе г. Базеля. Очувтившись, по сравнению с домашней, в менее защищенной обстановке, он сразу же начинает видеть свою бедность, что порождает у него в душе «черную зависть» к соклассникам из более богатых семей.

Колебание полярных частей природы

Атмосфера серых учебных будней положила начало колебаниям полярных частей его природы, которые отныне никогда не станут уравновешивать друг друга. Он мог здорово воспринимать критику в свой адрес и в то же самое время быть бестактным по отношению к другим. Робкий и застенчивый, предпочитая всегда отставать в тени, он бесстрашно защищал себя в стычках с забияками и давал должный отпор любому задире. Оставаясь внутренне неуверенным, внешне он никак не показывал этого. Считался «странным» и не пользовался авторитетом среди соклассников, не если его что-то заинтересовало, то он прикладывал все свои силы ради достижения цели, если же нет, то ничто на свете не могло заставить его заниматься этим.

Ощущение себя
белой вороной

Ничего удивительного, что среди сверстников Карл начинает все явственнее ощущать себя белой вороной. Однажды, когда он, донельзя замотанный школьной рутинной, случайно оступился и упал, с ним приключился новый припадок, позволивший ему пробыть несколько дней дома в таком желаемом одиночестве. Во время падения к его мозгу оправданием проскальзывает мысль: «Вот и отлично: можно не ходить в школу!» – и он впервые в жизни отмечает для себя, чем же является невроз. Почти полгода он с успехом пользуется этим нехитрым приемом. Но как-то раз, нечаянно подслушав разговор родителей, в котором отец опасался, уж не страдает ли их сын эпилепсией, Карлу становится советно и он говорит сам себе: «Все, хватит! Пора браться за ум», – и с того времени начинает примерно учиться.

Карл Юнг в подростковом
возрасте, 1893.
Карл с уверенностью стоит
перед камерой

В своем воображении К. Юнг видел себя одновременно двумя разными людьми: умудренным жизнью почтенным седовласым мужем XVIII столетия и жалким, невзрачным учеником XX века в вечно дырявых носках, ненавидящим уроки физкультуры, рисующим не по заданию учителя, а только по вдохновению, и считающим математику «просто пыткой».

Алгебраическое утверждение, что « $A=b$ », поражало его, как «явная ложь», это все равно что сказать «луна = солнцу». Чтобы развеять у себя все «моральные сомнения» насчет математики, его ум помимо аксиомных формул требовал более глубоких и убедительных объяснений.

Аналогичным образом обстояло дело и с религией, когда на уроках Закона Божьего, ставших для него «невыносимо скучными», она преподносилась на буквальном, догматическом уровне. «Господь Иисус Христос» в том виде, как о нем рассказывал преподаватель и учили книги, оставался для Карла антивалентной фигурой, но сама идея о Боге весьма заинтересовала его, в первую очередь из-за ощущения некой тайны, которую не так-то легко было понять, «тайны уникального существа, которого <...> нельзя описать никакими словами».

Новые видения

Жизнь текла своим чередом. Карлу шел уже 13-й год, когда однажды по дороге из школы домой перед ним раскрылись новые неизведанные глубины.

«В тот день было очень солнечно, и небо ослепительно сияло своей голубой лазурью. Крыша нашего ка-

федерального собора, мимо которого лежал мой путь, буквально вся горела золотом, до того весело прыгали по ее новенькой черепице солнечные зайчики. Я остановился, завороженный красотой этого зрелища, и подумал: «Как прекрасен мир! Как прекрасна церковь! Слава Богу, сотворившему такое чудо! Наверное, Он сам любитесь им с небес, сидя где-то высоко-высоко в синеве на своем золотом троне и ...». Тут словно бомба взорвалась у меня в голове, и я застыл в оцепенении от шока. Все мои мысли вмиг разбежались, уступив место панике: «Не думай! Не продолжай! Иначе я совершу самый ужаснейший из самых ужасных грехов. <...>»

О, это был долгий путь домой. <...> Мысли мои снова и снова возвращались к собору, так очаровавшему меня всей красотой, но стоило мне, затем лишь только чуточку подумать о Боге на золотом троне, как вновь испуганными пташками разлетались они в разные стороны. Медленно бредя по дороге, в такт шагам я все твердил про себя: «Не думай об этом, просто не думай про это!» Порог дома я переступил в таком состоянии, словно возвращался не из школы, а с разгрузки угля. <...>

Наступившая ночь прошла очень дурно, и не принесла мне желаемого успокоения. Вновь меня атаковали запретные мысли, одна ужаснее другой, от которых я отчаянно, но безуспешно отбивался. С рассветом чуточку полегчало, но следующие два дня, прошедшие в том же духе, оказались сущей пыткой для меня, да такой сильной, что мама, было, подумала, уж не заболел ли я? <...>

На третью ночь мои мученья стали просто невыносимыми, и я уже больше не знал, что же дальше делать. Забывшись под утро беспокойным сном, через какой-то миг я очнулся и сразу поймал себя на мысли, что продолжаю думать про собор, про Бога и ... я почти продолжил эту мысль! Силы мои стремительно убывали. Покрывшись от страха липким потом, я сел в кровати и потряс головой, отгоняя прочь остатки сна. Моя оборона полностью пала. «Все, не могу больше!.. Ага, вот оно, идет! Идее-ееет!! Так, я должен думать. Сию же минуту я должен продумать это до самого конца. Но зачем? Почему мне следует думать о том, чего я не знаю? Нет, не хочу, ей-богу не хочу этого! Тогда кто хочет, чтобы я думал? Кто вынуждает меня думать о том, что я не знаю и вообще знать не хочу? От кого исходит эта ужасная воля? <...> Тихо, тихо, спокойно! Итак, мне нужно выяснить, чего Бог хочет от меня.

Выяснить прямо сейчас <...>» Да, тогда я уже точно уверился, что это Он является творцом мучавшей меня проблемы <...> «Да не может ли быть так, что Он захотел просто проверить таким вот образом мое послушание? Задал мне задачку и смотрит, буду ли я ее выполнять вопреки своим морально-нравственным устоям, пойду ли я против своего вероисповедания и вопреки Его заповедям? Решусь ли я сделать то, чему сопротивляюсь всеми своими силами из-за боязни вечно гореть в аду?» <...> Последняя мысль эхом зазвенела у меня внутри.<...> Наконец, собрав в кулак свое мужество и закрыв глаза, словно через миг мне предстояло с головой броситься в геенну огненную, я окончательно сдался и отпустил все свои мысли. И сразу на фоне небесной лазури увидел перед собой собор, над которым, сидя по-царски в своем золотом троне, парил Бог. Но что это? Из-под трона прямо на новенькую сверкающую черепицу собора падал чудовищных размеров кусок дерьма... Вот оно достигло крыши, разбилось об нее на сотни брызг, еще миг – и от собора остались одни лишь руины.

Снисхождение
озарения

Так вот что это было! Словно гора свалилась с плеч моих, такое наступило неопишное облегчение. Вместо ожидаемого проклятия и последующих вечных мук на меня сошло прощение, причем с неведомым мне ранее невыразимым блаженством и счастьем. Снова весь взмок, на этот раз уже от восторга и признательности, ведь мне открылась непостижимая мудрость и великодушие Господа, Которого я всем сердцем принял в себя. Короче говоря, на меня снизошло озарение. <...>

С этого момента<...> началась моя настоящая обязанность тайноносца. Почему Господь осквернил Свой собор? По мне, так это было ужасно. Но чуть погодя пришла смутная досада – а может, Он тоже ужасен? В общем, мне открылась невероятно страшная тайна, тень которой омрачала всю мою дальнейшую жизнь.<...>

А я ведь мог никогда и не рассказать публично ни об этой познанной тайне, ни о фаллосе из подземного храма, ни о вырезанном мною человечке.<...>

Но дело в том, что полностью понять мою молодость можно лишь в контексте этой тайны. Тайны, которая стимулировала во мне рост почти нестерпимого одиночества.

<...> Вот так предопределилась структура моих взаимоотношений с миром: сегодня, как и тогда, я одинок, потому что знаю кое-что слишком хорошо и дол-

«Огнем маяка освещали ему дорогу в жизни»

Двойственность личностей отца и матери

жен по обязанности намекать на эти вещи другим людям, которые не знают их, а по правде говоря, даже не хотят знать» [14].

Мудрый седовласый мужчина, оглянувшись назад, сказал бы, что эти его познания «огнем маяка освещали ему дорогу в жизни». Но пока тинэйджер Карл все еще вынужден был, внешне демонстрируя непоколебимую уверенность, как-то уживаться со своей прямо противоположной внутренней личностью. В 15-летнем возрасте с ним нередко стали случаться приступы сильного неконтролируемого гнева и безумной ярости, часть из которых впоследствии он припишет проявлению своей «агрессивной натуры». И несмотря на все усиливающуюся с возрастом, по сравнению с родителями, разницу в характерах, наследственные черты рода Юнгов все же проявились в Карле.

Как мать, так и отец К. Юнга демонстрировали двойственность своих личностей, – естественность поведения и приспособляемость к внешним условиям, – которая особо бывает заметна в компактных, жестко-подконтрольных патриархальных обществах. Внешне Эмили Юнг выглядела добропорядочной матерью семейства с традиционными взглядами на жизнь, отлично готовила, обладала чувством юмора и нереализованным «литературным даром», а также слыла милой и приятной в общении женщиной, умеющей выслушивать любого собеседника. Зато глубоко под коей покоилась гораздо более мощная натура пронизательного наблюдателя, проявление которой – всегда внезапно для Карла – постоянно оказывало глубокое влияние на него.

«В таких случаях я сразу же начинал дрожать, как осиновый лист, ибо абсолютно все, что она затем не сказала мне, было так к месту и так по существу, а самое главное – правдой. <...> Какая огромная пропасть разделяла мою «внешнюю» маму с «внутренней». <...> Днем она была любящей матерью, а когда опускался вечер, то начинала казаться мне просто жуткой, перевоплощаясь в какое-то неведомое мне архаическое и жестокое существо; жестокое как правда, как сама природа. Такое ее состояние я называл «воплощением в плоть природного ума».

Во мне, разумеется, тоже присутствует точно такая же архаичная натура, даровавшая мне дар (не всегда, правда приятный) видеть людей насквозь и понимать вещи таковыми, какими они являются на самом деле. Конечно, я вполне могу позволить себе обра-

нуться в таких случаях, когда сам не желаю узнать что-то, но уж если я возьмусь за что-нибудь двумя руками, то для меня не составит никакого труда узнать, как же там на самом деле все обстоит.<...> Такая вот моя «проницательность» – инстинктивная. Другими словами, я просто «мистически соприсутствую» вместе с другими людьми» [15].

Хотя мать и сын мало в чем были похожи, это абсолютно не мешало Эмили общаться с юным Карлом, как со взрослым. Она веряла ему и обсуждала вместе с ним такие вещи, которые, считая брак амбивалентным, не могла поделиться с мужем. Сам же Карл никогда не посвящал мать в тайны и переживания своей внутренней жизни, которых не понимал, «из-за моей стопроцентной уверенности в ней».

Поиск духовного общения с отцом

Карл, вступив в юность, стал более тяготеть к отцу, нежели к матери. От отца он уже к шести годам знал латынь; а когда родители в периоды обострения межличностных взаимодействий проводили ночи в разных комнатах, то всегда спал в спальне отца. Но стремясь быть как можно ближе к отцу, ища духовного общения со своим «дорогим папой», он вместо этого обнаружит у того целую кучу неразрешенных комплексов.

Поль Юнг, протестантский пастор швейцарской Реформаторской Церкви, на людях был в равной, в общем-то, степени спокойным и скромным человеком; в стенах родного дома он преображался и становился невообразимо сварливым, раздражаясь по пустякам и придираясь к любой мелочи. Остро реагируя на царившую в доме беспокойно-тревожную обстановку, порожденную супружескими проблемами родителей, Карл наряду с этим не менее сильно воспринимал пустоту поверхностной религиозности отца, которая, в конце концов, со временем окончательно разочаровала горящее сердце жаждущего до ответов юноши. Отцовские наставления в вере, по словам К. Юнга, «надоели мне до смерти». Как можно верить без понимания? – искренне недоумевал он.

Сомнения в проповедях отца

«А еще в то время в моей душе возникли глубокие сомнения по поводу всего того, о чем говорил мой отец. Когда я слышал, как он проповедует о милосердии и прощении <...> его слова звучали для меня пустым звуком, словно это была не проповедь, а сплетня, которую рассказчик сам толком-то не знает, а лишь пересказывает услышанный где-то слух и поэтому сам не очень то верит в него. <...> Позже, когда мне уже стук-

нуло 18 лет, мы с отцом часто дискутировали о вере <...> но [споры] неизменно оканчивались ничем. <...> «А, брось! – обычно восклицал он. – Вечно ты хочешь докопаться до сути, но не думать надо, а верить. Просто верить». На что про себя я думал: «Нет, не согласен. Все следует познать на опыте», но вслух говорил: «Дай, покажи мне эту веру. Где она?» – после чего отец смиренно пожимал плечами и отворачивался от меня» [16].

(Продолжение следует)

1. C.G. Jung, *Emma Jung, Toni Wolf*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 51–52.

2. *C.G. Jung Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 377, letter to P.W. Martin.

3. *C.G. Jung Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 19, footnote.

4. *C.G. Jung Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 408, letter to Anonymous.

5. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 8.

6. *Ibid.* P. 17–18.

7. *Jung: A Biography* by Gerhard Wehr. Boston: Shambhala, 1987. P. 29–30.

8. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 9–210.

9. *Ibid.* P. 11–12.

10. *Ibid.* P. 13–15, 23.

11. *Ibid.* P. 15.

12. *Ibid.* P. 19.

13. *Ibid.* P. 21–22.

14. *Ibid.* P. 36–42.

15. *Ibid.* P. 52, 50

16. *Ibid.* P. 42–43.

